

дебного решения, введенный гл.40-1 УПК, по делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких (ч. 2 ст. 317.1, ч. 2 ст. 317.5). На наш взгляд, реализацию этих процедур можно было бы распространить на все уголовные дела, предусмотрев в качестве исключения перечень преступлений (например, терроризм), а также лиц (например, рецидивистов), в отношении которых снисхождение и снижение наказания ни при каких условиях неприемлемы. Наконец, хотелось бы возразить против применения всех четырех процедур в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, поскольку может оказаться, что подозрение не оправдывается, и лицо окажется невиновным или виновным не в том, в чем его подозревали. Кроме того, соблюсти такое общее для исследуемых процедур условие их осуществления, как признание вины, возможно только после того, как лицу будет разъяснено, в чем оно обвиняется, и задан вопрос, признает ли он себя виновным в этом (ст. 171–173 УПК). Поэтому применение всех процедур возможно только с момента предъявления лицу обвинения.

Отмеченное отсутствие единого подхода к определению сущности рассмотренных процедур обуславливает необходимость дальнейшей работы по комплексному и последовательному внесению изменений и дополнений в действующий УПК.

Примечания

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 4-е изд., доп. М., 1997. С. 784.

Е.В. Марковичева*

ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ПРОЦЕДУР ПРИМИРЕНИЯ В РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Термин «медиация» в последние годы занимает все более прочные позиции в различных социальных сферах. Практика примирения многогранна и распространяется на разрешение трудовых, коммерческих и иных споров, в основе которых лежит тот или иной межличностный конфликт. Медиация рассматривается и как новый подход по разрешению уголовно-правового конфликта. Зарубежный опыт использования примирительных

---

* © Марковичева Е.В., 2010

Марковичева Елена Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Орловского государственного университета

процедур в рамках восстановительного правосудия весьма разнообразен и обширен. Известен целый ряд моделей медиации в уголовном судопроизводстве: неформальное посредничество, деревенские и племенные сходы, посредничество между пострадавшим и правонарушителем, переговоры о компенсации, общественные суды, семейные и общественные конференции. Данный институт получил уже широкое распространение в Канаде и США и в настоящее время продолжает активно «приживаться» в Европе, фактически превращая медиацию в универсальный механизм, «вне зависимости от специфики правовой системы и исповедуемой модели (формы) уголовного судопроизводства»¹.

Примирительные процедуры применительно к уголовному судопроизводству получили определенную нормативную основу на уровне международного права. В частности, 15 сентября 1999 года Комитетом министров Совета Европы была принята Рекомендация № R(99)19, подготовленная Комитетом экспертов по медиации в уголовных делах, учрежденным Европейским комитетом по проблемам преступности (CDPC)². Данный документ рекомендует распространение практики посредничества в качестве дополнения или альтернативы в механизме контроля за преступностью в рамках юрисдикционной традиционной системы. Кроме того, возможность использования посреднических процедур в уголовном судопроизводстве предусматривается в Основных принципах применения программ восстановительного правосудия в уголовных делах, принятых ЭКОСОС ООН в 2000 году³. 7 декабря 2007 года Европейская комиссия по эффективности правосудия приняла очередное руководство по улучшению реализации ранее принятой рекомендации «О медиации по уголовным делам»⁴. В этом руководстве назывались причины, затрудняющие введение института медиации в ряде государств: отсутствие знаний о восстановительном правосудии и медиации, дороговизна данного института, отсутствие квалифицированных посредников и др.

В последнее время в России идет активная законотворческая работа по введению примирительных процедур в судопроизводство. Однако авторы данных законопроектов предполагают введение примирительных процедур исключительно в сфере гражданского и арбитражного судопроизводства, полностью игнорируя сферу уголовного судопроизводства. Только летом 2009 года С.А. Пашиным и Р.Р. Максудовым был предложен Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу примирения сторон»⁵.

Приходится констатировать тот факт, что в российском уголовном судопроизводстве прекращение уголовного дела в связи с примирением не получило широкого распространения. Сильные публичные основания закономерно тормозят развитие диспозитивных элементов. В итоге ст. 25

УПК РФ применяется на практике в ограниченном числе случаев, а дела по данному основанию прекращаются в основном мировыми судьями. В силу целого ряда объективных и субъективных причин должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, игнорируют возможность примирения между подозреваемым или обвиняемым и потерпевшим. На сегодняшний день не видится универсального механизма, способного в короткий срок изменить ситуацию на стадии предварительного расследования. Однако прогрессивные шаги могут быть сделаны применительно к производству по уголовным делам у мирового судьи.

Формирование полноценного института медиации могло бы существенно оптимизировать работу мировых судей и ускорить производство по уголовным делам. Это тем более значимо, что количество уголовных дел, рассматриваемых мировыми судьями, возрастает из года в год. При общей перегруженности мирового судьи вряд ли он сможет самостоятельно выполнять функции посредника между сторонами уголовно-правового конфликта. Профессиональный медиатор, как правило, проводит несколько встреч как с каждой из сторон конфликта, так и с обеими сторонами. Для мирового судьи это стало бы дополнительной существенной нагрузкой. Без наличия профессионального посредника примирение будет осуществляться фактически по современному сценарию, когда потерпевший и подсудимый нередко сводят данную процедуру к некой сделке с получением потерпевшим, в первую очередь, определенной материальной компенсации. При этом выхолащивается сама идея примирения, базирующаяся на отказе сторон от принципа силового разрешения сложившейся ситуации и на стимулировании обвиняемого к позитивному посткриминальному поведению. К тому же А.П. Гуськова справедливо отмечает, что «поскольку медиация – это процесс по урегулированию определенного спора или правового конфликта с целью применения примирительных процедур исключительно без вмешательства соответствующих правоохранительных органов, то, конечно, медиатором здесь может выступать независимое лицо, профессионально подготовленное для выполнения этих действий»⁶.

Введение института медиации в уголовное судопроизводство требует проведения соответствующих законодательных и организационных мероприятий. Причем работа по законодательному закреплению правил проведения процедуры медиации, прав и обязанностей медиатора должна вестись параллельно с подготовкой профессиональных медиаторов. В частности, необходимо решить вопрос о конфиденциальности информации, получаемой медиатором в процессе ведения посреднической процедуры, установить сроки для примирительной процедуры и порядок дальнейшего движения дела в случае, если стороны в данный срок

не достигнут соглашения о примирении и т. д. Необходимо установить законодательные ограничения и относительно содержания соглашения с тем, чтобы не ущемлялись конституционные права и свободы граждан, а само соглашение не напоминало по характеру кабальную сделку.

Среди организационных мероприятий, в первую очередь, необходимо создать систему подготовки профессиональных медиаторов, установить квалификационные требования к медиаторам, а также соответствующий их реестр, ведение которого, очевидно, будет прерогативой Министерства юстиции РФ.

Вопрос о правомочности и целесообразности введения института медиации в уголовное судопроизводство закономерно поднимает вопрос о соотношении публичного и частного начала в уголовном судопроизводстве, поскольку медиационная процедура предполагает усиление последнего. Многие российские теоретики и практики относятся к данному обстоятельству достаточно негативно. Однако, как показывает процесс развития уголовно-процессуального законодательства и практики и его применения, проникновение частно-правовых норм в сферу уголовного права является логичным и закономерным. К тому же законодатель предусмотрел соответствующую материально-правовую базу для прекращения уголовного преследования, в частности по основаниям, указанным в ст. 76 УК РФ. И сфера действия медиационных процедур не может быть ограничена лишь делами частного обвинения, хотя содержание самой процедуры примирения по различным категориям дел может несколько варьироваться в тех рамках, которые должны быть установлены законодателем. Как обоснованно утверждает Н.П. Мелешко, «следует также иметь в виду, что все возможные технологии восстановительного правосудия в законодательном акте предусмотреть невозможно. Должны быть выработаны основные принципы технологий, их допустимости и примерный перечень»⁷. Однако, на наш взгляд, целесообразно закрепить в законодательстве перечень обстоятельств, препятствующих проведению процедуры примирения, как это сделано в законодательстве многих государств. Например, такая норма содержится в п. 3 ст. 2 Закона Португалии № 21 от 12 июня 2007 года «Об уголовной медиации»⁸.

Следует упомянуть и о том, что российские юристы часто недооценивают потенциальные возможности института медиации при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего. В зарубежной практике медиативные процедуры используются весьма активно как раз в рамках ювенального производства и призваны обеспечить решение задач по вторичной превенции несовершеннолетнего правонарушителя. Во многих странах накоплен интересный опыт использования примирительных процедур в ювенальном уголовном судопроизводстве. Например,

в Италии существуют законодательные основания и сложилась практика использования медиации как на досудебных, так и на судебных стадиях производства в отношении несовершеннолетних, хотя в интересах последних приоритет отдается медиации на стадии судебного производства⁹.

Описывая возможности медиации в системе ювенального правосудия, Л.М. Карнозова подчеркивает, что «это уже не только комплекс мер, направленных на решение проблем ребенка-правонарушителя, это создание воспитательных условий нового типа — направленных на формирование механизмов ответственного поведения. В отличие от наказания, которое является для наказуемого претерпеванием страдания, заглаживание вреда актуализирует активную, деятельностную позицию подростка. А встреча с потерпевшим способствует осознанию последствий собственных действий»¹⁰.

Однако в России до сих пор весьма настороженно относятся к самой возможности самостоятельного участия несовершеннолетнего в примирительной процедуре, мотивируя это отсутствием у последнего соответствующей процессуальной дееспособности. Полагаем, что решение задачи по воссозданию отечественной системы ювенального судопроизводства должно сопровождаться сближением правовых возможностей несовершеннолетнего лица в сфере частного и публичного права и закреплении возможности участия несовершеннолетнего, достигшего шестнадцатилетнего возраста в примирительной процедуре. При этом следует помнить, что в упомянутом выше руководстве Европейской комиссии по эффективности правосудия по улучшению реализации рекомендации «О медиации по уголовным делам» подчеркнуто, что медиатор по делам несовершеннолетних должен иметь специальные навыки для проведения процедуры посредничества с участием несовершеннолетних¹¹.

Введение института медиации требует пересмотра отношения юридического сообщества к назначению уголовного судопроизводства и критического осмысления и принятия известной модели восстановительного правосудия. На данное обстоятельство указано и в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы, в которой ставится знак равенства между понятиями «примирительные процедуры» и «восстановительная юстиция»¹². Обращение к идеям восстановительного правосудия будет перспективным как для совершенствования уголовного судопроизводства в целом, так и его отдельных, в частности, примирительных процедур.

Примечания

¹ Головкин Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. С. 128.

² Вестник восстановительной юстиции, 2001. № 2. С. 86–103.

³ Basic principles on the use of restorative justice programmes in criminal matters, ECOSOC Res. 2000/14, U.N. Doc. E/2000/INF/2/Add.2 at 35 (2000). URL: <http://www.unicef.org/.../Basic%20principles%20restorative%20justice%20criminal%20mat...> (дата обращения 15.12.2009).

⁴ Guidelines for a better implementation of the existing. URL: <http://www.gemme.eu/en/article/guidelines-for-a-better-implementation-of-the-existing> (дата обращения 02.09.2009).

⁵ URL: <http://www.neps.ru>.

⁶ Гуськова А.П. Медиация как метод восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 26.

⁷ Мелешко Н.П. Проблемы правового обеспечения внедрения примирительных технологий в уголовное судопроизводство современной России // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 1. С. 39.

⁸ Law criminal mediation. URL: <http://www.gemme.eu/nation/portugal/article/law-criminal-mediation> (дата обращения 02.09.2009).

⁹ Malagnino F. Le iniziative dell'ufficio centrale per la giustizia minorile nel campo della mediazione, in F. Molinari, A. Amoroso (a cura di), Criminalita minorile e mediazione. Riflessioni pluridisciplinari, esperienze di mediazione e ricerche criminologiche sui minori. Milano: Franco Angeli, 1998. P. 31–32.

¹⁰ Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция: содержание понятия и перспективы в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 3. С. 4.

¹¹ Guidelines for a better implementation of the existing. URL: <http://www.gemme.eu/en/article/guidelines-for-a-better-implementation-of-the-existing> (дата обращения 02.09.2009).

¹² Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 г. № 583 «О Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 41. Ст. 4248.

В.В. Конин*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Проблемы современного уголовного судопроизводства, на наш взгляд, необходимо рассматривать в контексте проблем досудебной стадии (предварительного следствия) и проблем осуществления правосудия при рассмотрении уголовного дела по существу.

Поскольку все проблемы российского уголовного судопроизводства в одной статье рассмотреть невозможно, мы в нашей статье попытаемся кратко рассмотреть некоторые проблемные вопросы, с которыми в практической деятельности ежедневно сталкиваются правоприменители.

Проблемы современного предварительного следствия достаточно хорошо известны. Это в первую очередь непрофессионализм, волокита,

---

* © Конин В.В., 2010

Конин Владимир Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета